

ТЕРМИН ΑΞΙΑ В «ГИППАРХЕ»

С. С. АВАНЕСОВ

Томский государственный педагогический университет
iskiteam@yandex.ru

SERGEY AVANESOV

Tomsk State Pedagogical University, Russia

THE TERM ΑΞΙΑ IN THE «HIPPARCHUS»

ABSTRACT: The Socratic dialogue *Hipparchus* is the one of the earliest texts in which the philosophical concept of value is separated from the economic concept of price. This dialogue is devoted to the theme of the profit, but actually this economic issue is discussed in the context of ethics. The Greek word ἀξία is used here to denote the economic value and functional applicability of things. Axiological meaning of this term in the dialogue arises in the process of talking about relative price of gold and silver. Socrates and his friend sequentially determine the value through the concepts of profit, benefit, utility and good. The presence of *indifferent things* (ἀδιάφορον), which are discussed by Plato in the *Lysis*, *Gorgias*, *Euthydemus* and other dialogues, is not designated in this dialogue, but it is assumed in the context.

KEYWORDS: Antique axiology, value, early terminology of values, Socratic dialogues.

Античная философия не знала аксиологии как особой области теоретического знания. Термин «ценность» как *аксиологическая* категория, имеющая «предметное» содержание, в античной философии не употребляется; речь идёт в лучшем случае о «ценности» (достоинстве) как *качестве* вещи или человека; при этом далеко не всегда используется слово ἀξία и, с другой стороны, это слово активно применяется для выражения *экономических* понятий (цена, стоимость). Но благодаря тому, что в новоевропейской мысли описаны контексты и тематика аксиологических суждений, мы способны увидеть такие суждения и в античной философии, когда обнаруживаем в ней те же контексты и темы. Это, например, тема высшей цели или высшего образца жизни и поведения, тема предпочтения и выбора (принятия решения), тема обоснования должного (надлежащего) и т.п. Аксиология в её «эмбриональной» стадии обнаруживается нами в античности именно сквозь призму новоевропейской философии ценностей; так открываются предпосылки и истоки последней.

Одним из первых известных нам текстов, в котором философское понятие *ценности* начинает артикулироваться и контекстуально отделяться от экономического понятия *стоимости*, будучи при этом обозначено тем же самым словом ἄξια, был сократический диалог *Гиппарх* вошедший в платоновский корпус, но ещё в античности считавшийся псевдоплатоновским (Шохин 2006, 297). В этом диалоге употребляется понятие ценности, которое, с одной стороны, «частично совпадает» с экономическим понятием стоимости, а с другой – уже «частично обособляется от него» (там же, 105).

По свидетельству Диогена Лаэртия, автором диалога *Гиппарх*, или *О корыстолюбии* (Περὶ φιλοκερδοῦς), а также некоторых других «сократических» диалогов, является Симон Кожевник – некий житель Афин, «к которому часто заходил Сократ и который записал свои с ним беседы» (Тахо-Годи 1986, 559). Диоген так пишет о Симоне: «Когда Сократ приходил в его мастерскую и о чём-нибудь беседовал, то он (то есть Симон. – С.А.) делал записи обо всём, что мог запомнить; поэтому диалоги его называют “кожевничьими”. Диалогов этих тридцать три, и они собраны в одну книгу... Именно он, говорят, первый стал сочинять сократические диалоги» (II 122–123). Так ли это на самом деле, неизвестно. А. Ф. Лосев (1986, 37) относит *Гиппарх* к группе *сомнительных* диалогов, «но с одинаково убедительной аргументацией в защиту как подлинности, так и неподлинности».

Диалог в целом выглядит как небольшое софистическое упражнение. По словам А. Ф. Лосева (1986, 39), «невозможно установить, что именно доказывается в этом диалоге, ввиду сбивчивого нагромождения аргументов». Тема диалога – извлечение прибыли; при этом бесспорно, что здесь «экономическое рассматривается в контексте этического» (Шохин 2006, 106). В диалоге выясняется, по мнению А. А. Тахо-Годи (1986, 559), «что корыстолюбие – это умение видеть ценность вещи, её внутреннюю значимость, а следовательно, и то хорошее, что ей присуще»; из текста самого диалога такой вывод, увы, не следует. А что же следует?

Сократ начинает с вопроса о том, *что* такое корыстолюбие (τὸ φιλοκερδέες) и кто такие корыстолюбцы (οἱ φιλοκερδεῖς, любители прибыли); этот вопрос, конечно, связан с экономической деятельностью, но поставлен вполне этически: речь идёт не о корысти (прибыльности) самой по себе, а о человеческой *склонности* к корысти. В таком же ракурсе Друг строит свой ответ Сократу: «Мне кажется, это те, кто считают возможным наживаться на самых настоящих вещах [οἱ ἄν κερδαίνειν ἄξιῶσιν ἀπὸ τῶν μηδενὸς ἄξιων]» (225 a). Сократ спрашивает, знают ли эти люди, что они творят, извлекая выгоду «из непригодных вещей» [οὐδενὸς ἐστὶν ἄξια]; Друг отвечает, что деятельность корыстолюбцев – это не глупость, а коварство: «хотя они знают, что то, из чего они осмеливаются извлекать выгоду, ничего не стоит [οὐδενὸς ἄξιά ἐστίν], однако же дерзают наживаться по своему бесстыдству» (225 b). Сократ уточняет, должны ли мы называть корыстолюбцем земледельца, который выращивает ничего не стоящие побеги, а затем извлекает из них прибыль [οὐδενὸς ἄξιον τὸ

φυτόν, ἀξιοῖ ἀπὸ τοῦτου ἐκτραφέντος κερδαίνειν]; корыстолюбец «из *всего* считает нужным извлекать прибыль», отвечает Друг (225 b). Затем собеседники соглашаются с тем, что корыстолюбец «разбирается в том, чего стоит [ἀξιας] вещь, из которой он считает возможным извлекать выгоду [κερδαίνειν ἀξιοῖ]» (225 c). В частности, земледелец всегда «бывает знатоком достоинства [ἐπιστήμων...τῆς ἀξιας] растений, а также того, в какую именно пору и на какой почве их стоит [ἀξια] высаживать» (225 c). Тот, кто считает наживу стоящим [ἀξιοῦν] делом, не будет стремиться нажиться на «негодных» вещах [οὐδενὸς ἀξιον] (226 a); он никогда не будет считать нужным наживаться на том, что «ничего не стоит» [μηδενὸς ἀξια, μηδενὸς ἀξίων, οὐδενὸς ἀξια] (226 a–d). «Да я, мой Сократ, – заявляет Друг, – хочу назвать корыстолюбцами тех, кто из-за ненасытной алчности постоянно жаждет извлечь непомерную выгоду и нажиться на совершенно ничтожных, мало чего стоящих [ὀλίγου ἀξια] или совсем ни к чему не пригодных вещах» (226 d). Лишь в том случае, если они не знают, что эти вещи ничтожны [οὐδενὸς ἀξια], возражает Сократ (226 e). И так далее в том же духе.

Здесь ἄξια пока что фигурирует как обозначение и экономической стоимости, и функциональной пригодности вещи (то есть её способности быть полезной, удовлетворять потребность). Рефлексия же над *аксиологическим* смыслом этого термина обостряется с момента начала обсуждения сравнительной стоимости золота и серебра; в этом небольшом, но стремительно развивающемся фрагменте беседы участники диалога обнаруживают весь спектр значений слова ἄξια, доступный философскому умозрению античности.

Вот этот значимый для истории аксиологии текст (курсив мой. – С.А.):

С о к р а т. Но я хочу спросить у тебя следующее: к примеру, если кто за половинный [ἥμισυ] вес золота получит двойной [διπλάσιον] вес серебра, будет он в прибыли или в убытке?

Д р у г. Конечно, в убытке, Сократ: ведь вместо двенадцатикратной <стоимости = букв. ставки> [δωδεκάστασιον] ему будет установлена двукратная [διστάσιον] стоимость золота.¹

С о к р а т. Но ведь он получит больше [πλέον], чем даст: разве не больше [οὐ πλέον] двойная часть, чем половинная?

Д р у г. Однако при этом не будет соблюдено *соотношение цены* золота и серебра [οὐτι τῆ ἀξια γε ἀργύριον χρυσίου].

С о к р а т. Похоже, значит, что прибыли должно быть присуще [προσεῖναι] и это – *ценность* [τῆ ἀξια]. В нашем же случае, хоть серебра и больше, чем золота, оно, как ты говоришь, не имеет <соответственной> *ценности*

¹ Какая-то странная неточность в рассуждении: «двойной» вес больше «половинного» не в *два*, а в *четыре* раза. Эту неточность, очевидно, замечает и В. К. Шохин: «Друг Сократа и сам Сократ приходят к выводу, что здесь будет убыль, так как золото ценнее серебра на самом деле не в четыре, а в целых двенадцать раз» (2006, 105).

[οὐ...ἄξιον], золото же, хоть его и меньше [ἔλαττον], <высоко> ценно [ὄν ἄξιον]. (231 d)

Д р у г. Именно так и обстоит это дело.

С о к р а т. Значит, ценное [ἄξιον] прибыльно, много ли его или мало, лишённое же ценности [ἀνάξιον] не даёт прибыли.

Д р у г. Да.

С о к р а т. Утверждаешь ли ты, что ценное [ἄξιον] выгодно приобретать или нет?

Д р у г. Выгодно [κεκτῆσθαι].

С о к р а т. Ну а приобретать из ценных <вещей> [ἄξιον] надо, по-твоему, полезные или лишённые пользы?

Д р у г. Конечно, полезные [ὠφέλιμον]. (231 e)

С о к р а т. А полезное-то разве не является благом [οὐκοῦν τὸ ὠφέλιμον ἀγαθὸν ἐστίν;]?

Д р у г. Да. (232 a)

О связи «полезного» (как наиболее «подходящего») с эстетически ценным говорится в диалоге *Гиппий больший*: «подходящее прекраснее, чем неподходящее» (291 b); к примеру, «золото прекрасно, когда оно к чему-либо подходит, а когда не подходит, оно не прекрасно; так же обстоит <дело> и со всем остальным» (293 e); таким образом, именно «подходящее своим присутствием заставляет предметы и быть, и казаться прекрасными» (294 c). Кстати, в *Кратиле золото* – символ высокого достоинства разумного, богоподобного человека, иначе говоря – чисто аксиологическая метафора (398 a–c).

Итак, содержание термина ἀξία в приведённом фрагменте «Гиппарха» последовательно раскрывается как а) «сравнительная стоимость» → б) «прибыль» → в) «выгода» → г) «польза» → д) «благо». Этот ряд начинается чисто экономическим понятием, а заканчивается философским. При этом Сократ начинает с прибыли, а сам термин ἀξία впервые здесь употребляет не Сократ, а его друг. Прибыль, выгода и польза – те концепты, с помощью которых Сократ ведёт поиск определения ценности, завершая этот поиск на понятии блага.

Выводы, значимые для дальнейшего развития аксиологии, таковы:

1) По ходу диалога видно, что ни Сократ, ни его собеседник не знают (или, по крайней мере, не формулируют в прямой речи) ничего промежуточного между добром и злом; поэтому то, что не зло (например, прибыль), автоматически относятся ими к добру. Убыток – это зло; прибыль противоположна убытку (227 a); поэтому «получение прибыли, поскольку оно противоположно злу, должно считаться добром» (230 a); значит, «любая прибыль – большая или малая – это добро [ἀγαθὰ εἶναι]» (232 b). При этом, правда, в рассуждении возникает логический круг: прибыль как таковая есть благо, но при этом (дабы подтвердить истинность тезиса) прибылью надо именовать только приобретение блага (а не приобретение зла); поэтому, естественно, приобретение блага есть также благо. Прибыль есть благо, потому что прибыль есть только приоб-

ретение блага: «не любое, какое угодно, приобретение является прибылью», но лишь приобретение блага; поэтому прибыль получит лишь тот, кто «получит какое бы то ни было благо» (231 b).²

2) Однако при этом утверждается, что прибыль (как *благо*) может быть получена и «достойным образом», и «дурным»; независимо от этого прибыль в любом случае будет прибылью, а значит – благом (230 a–d). В связи с этим Сократ говорит, что, например, пища *как таковая* может быть *для нас* и добром и злом: поскольку «бывает хорошая еда и плохая», постольку «одна из них – благо, другая же – зло» (230 b). Это суждение выражает собой движение мысли в сторону различения вещи самой по себе и вещи, рассмотренной в свете нашего отношения к ней или нашего участия в ней. Прибыль из такого способа рассмотрения сущего здесь исключена, но сам способ уже ясно обозначен.

3) Наконец, внимательный читатель обнаружит в диалоге некую «стартовую площадку» для развития мысли о «промежуточном» в 231 e. Ценное есть прибыльное; поэтому ценное приобретать выгодно (будучи приобретено, оно приносит прибыль); но при этом приобретать следует не всё ценное, а лишь то, что полезно; всё же полезное является благом. Значение пассажа о сравнительной стоимости золота и серебра состоит в том, что здесь «делается едва ли не первая в истории философии попытка сопоставления объёмов ценного и благого. Объём первого шире, чем второго, так как в терминологии этого диалога благое включается в ценное» (Шохин 1998, 298); а значит, благое наделяется в сравнении с ценным дополнительной способностью – «приносить истинную выгоду, подлинную пользу» (Шохин 2006, 106). Итак, налицо следующая субординация понятий: благое есть то ценное, которое, помимо прибыльности, обладает полезностью, что, разумеется, не одно и то же, поскольку прибыльность – понятие количественное, а полезность – качественное. Ценное как таковое – это прибыльное (но не обязательно благое), неценное – «лишённое и прибыльности» (там же). Иначе говоря, к прибыльному (приносящему выгоду или доход) отнесено здесь всё ценное; однако напрямую, без оговорок назвать всё это ценное благом Сократ не может (что очевидным образом противоречит его тезису о том, что всякая прибыль – благо): он допускает присвоение статуса блага лишь полезному из ценного вообще. Всё ценное прибыльно, но лишь полезное ценное есть благо. Убыток, как мы помним, есть зло. Как же охарактеризовать статус бесполезного ценного? Если оно прибыльно, то оно – не зло. Но при этом оно бесполезно, а значит, не может быть причислено и к благу. Для этого-то «бесполезного ценного» и требуется ввести статус «промежуточного», или «безразличного» (ἀδιάφορον). Этот третий род сущего и будет ясно обозначен в *Лисиде*, *Горгии*, *Евтидеме* и др.

² Ср. с мнением Хилона: «Предпочитай убыток позорной прибыли: первое огорчает один раз, второе – всегда» [ζημίαν αἰρεῖσθαι μᾶλλον ἢ κέρδος αἰσχρόν· ἡ μὲν γὰρ ἅλαξ ἐλύπησε, τὸ δὲ διὰ παντός] (Диоген Лаэртский I 70).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гаспаров, М. Л., пер. (1986) *Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Москва.
- Лосев, А. Ф. (1986) «Ранние диалоги Платона и сочинения платоновской школы», *Платон. Диалоги*. Москва: 3–65.
- Шейнман-Топштейн, С. Я., пер. (1986) Платон, «Гиппарх», *Диалоги*. Москва: 343–352.
- Тахо-Годи, А. А. (1986) «Примечания к *Гиппарху*», *Платон. Диалоги*. Москва: 559–560.
- Шохин, В. К. (1998) «Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты», *Альфа и Омега* 3 (17) 295–315.
- Шохин, В. К. (2006) *Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль*. Москва.